

УДК 811.161.3

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА**

М.Г. ХОДОСОК-УЛИЦКАЯ
(Белорусский государственный университет)
maryia.ulitskaya@gmail.com

Исследуются звукоподражательные глаголы современного белорусского языка в диахронической и синхронической перспективах с целью анализа и описания их структурно-семантических особенностей. Материалом послужили звукоподражательные глаголы речевой деятельности, отобранные методом сплошной выборки из релевантных словарей. В ходе исследования были использованы этимологический анализ, позволяющий выявить внутреннюю форму слова, лежащую в основе номинации, и дефиниционный анализ. Описаны регулярные и особые виды словопроизводства лексем. Также отмечено, что генетической базой лексико-семантической группы исследуемых глаголов являются в большинстве своем праславянские основы. Сделан вывод о том, что процесс семантического развития исследуемых лексем происходит на основе ассоциативных представлений и субъективной интенции говорящего по отношению к обозначаемому явлению. Такой вид вторичной номинации характеризуется экспрессивностью, бинарной оппозицией стилистической маркированности и качественно-ценностной характеристикой «мелиорация – пейорация».

Ключевые слова: диахрония, синхрония, семантика, деривация, ономотопея (звукоподражание), ономотопеическая единица (звукоподражательная единица).

Введение. Звуки окружающей природы, взаимодействия предметов, жизнедеятельности человека – это объекты данной человеку в ощущениях реальной действительности, ответная реакция на которую находит своё выражение в присущей всем языкам внутренней тенденции установить определенную связь между объектами окружающего мира, вызывающими внезапные слуховые или зрительные раздражения, впечатлениями от них и лексическим фондом языка, придавая его звучанию непосредственный характер. Так, Г. Пауль отмечает: «Осознавая окружающее, человек выделяет в нём не находящиеся в покое и безмолвные предметы, а в первую очередь предметы движущиеся и звучащие» [1, с. 223]. Таким образом возник и до сих пор пополняется пласт звукоподражательной, или ономотопеической, лексики, призванной имитировать в речи звуки живой и неживой природы.

Основная часть. Звукоподражательные единицы всегда вызвали интерес и являлись объектом научных исследований учёных на материале многих языков мира. Фундаментальные труды по изучению ономотопеи с точки зрения фоносемантики принадлежат таким современным учёным, как В.В. Левицкий, А.П. Журавлёв, С.В. Воронин, А.Б. Михалёв и др. В.В. Левицкий уделяет особое внимание символическому значению определённых звуков, проводит этимологические и семасиологические исследования в области германских и индоевропейских языков [2, 3]. А.П. Журавлёв развивает идею о возможности интерпретации текста через сумму его фонетических значений [4]. С.В. Воронин дифференцирует основные типы звучаний действительности по акустическим параметрам денотатов (инстанты, континуанты, фреквенталии и их разновидности) и соотносит их с фонетическими возможностями языка [5]. В русле объективного звукоимоголизма разрабатывается концепция «фоносемантического поля» в трудах А.Б. Михалёва [6].

Наиболее значительные исследования славянской звукоизобразительной лексики представлены в русском языке в фоносемантическом и когнитивном аспектах: фоносемантические маргиналии, фоносемантическая звуковая картина мира (С.С. Шляхова, 2003, 2004, 2016); в семиотизации звука в белорусской народной культуре (А.В. Гура), в аспекте звуко-цветовой ассоциативности (Л.П. Прокофьева, 2008), в диахронном и синхронном аспектах (Е.В. Тишина, 2013), в фоностилистическом и этимологическом аспектах (Ю.В. Юсип-Якимович 2008, 2010, 2015), в этимолого-фоносемантическом аспекте (Ж. Колева-Златева, 2009) в славянских языках. Многие исследования проводятся на сопоставительном материале различных языков, что позволяет установить как универсальные, так и некоторые специфические свойства звукоизобразительности в языках: словообразовательный потенциал ономотопеи (О.А. Хабибуллина, 2003), (М.И. Мехеда, 2010), коммуникативно-прагматические свойства интеръективов и междометных фразеологических единиц (С.Э. Максимова, 2000; А.В. Литовкина, 2005), фоносемантические характеристики звуков (М.А. Джукаева, 2010), фоносемантическая организованность текста (Е.В. Евенко, 2010), многоаспектный подход (О.В. Шестакова, 2013), (А.А. Нуруллова, 2013), (Е.И. Кривошеева, 2015), (З.А. Петкова, 2011), экспериментальные исследования универсального звукоимоголизма

(С.В. Никрошкина, 2010) и восприятия звукоподражаний иноязычными носителями (Е.В. Панькина, 2009) и др.

Исследования звукоподражаний белорусского языка представлены материалами, лишь дополняющими комплексные работы в области словообразования белорусских глаголов (А.В. Андреева) [7], фоностилистики (звукоподражания как эвфонические средства в поэзии Р. Бородулина) (В.А. Торра) [8], сопоставительного анализа белорусских и словацких глаголов с предметными семами (П.А. Рааго) [9], в семиотизации звука в белорусской народной культуре (А.В. Гура) [10], что свидетельствует о недостаточном научном освещении ономатопеической лексики в белорусском языке.

Поскольку ономатопея представляет собой системно развивающееся во времени явление, нам представляется важным комплексное исследование вербализирующих её единиц, т.е. не только со статической (синхронической), но также с генетической (этимология) и динамической (диахронической) позиций.

Материалом для исследования послужили звукоподражательные глаголы (ЗГ) белорусского языка, отобранные методом сплошной выборки из «Глумачальнага слоўніка беларускай мовы» под редакцией К.К. Атраховича, «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы» под общей редакцией Г.А. Цыхуна. С целью анализа и описания структурно-семантических особенностей как в синхронической перспективе, так и в диахроническом аспекте в данной статье рассматриваются глаголы речевой деятельности человека как составной части лексико-семантической группы (ЛСГ) звукоподражательных глаголов, передающих звуки, издаваемые человеком. Отсутствие подобных исследований этой категории лексических единиц в белорусском языке обуславливает актуальность настоящей работы.

Согласно классификации глаголов звучания Л.М. Васильева, которая берётся за основу в данном исследовании, ЛСГ глаголов, характеризующих звуки, издаваемые человеком, включает в себя:

1. глаголы, обозначающие членораздельные звуки человека, т.е. характеризующие произносительную сторону человеческой речи (*произносить, кричать*, перен. разг. *чирикать, цокотать* и т.п.);

2. глаголы, обозначающие неречевые или необязательно речевые звуки со значениями: а) ‘издавать громкие членораздельные или нечленораздельные звуки’: *кричать, вопить*, перен. *стенать, гудеть, пищать* и др.; б) ‘издавать звук междометного характера’: *гикать, ухать, цыкать* и др.; в) ‘издавать те или иные звуки, вызываемые определёнными физиологическими процессами в организме (при дыхании, кашле и т.п.)’: *сопеть, свистеть, пыхтеть* и др.; г) ‘издавать те или иные звуки при различных действиях (при еде, смехе, плаче и т.п.)’: *чавкать, хрупать, хныкать* и др.;

3. глаголы со значением ‘петь, производить какую-либо мелодию’: *петь, мурлыкать, лялякать* и др. [11, с. 45–47].

Опираясь на приведённую классификацию глаголов звучания Л.М. Васильева, представляем лексико-семантический подтип ЗГ речевой деятельности белорусского языка, включающий в себя глаголы, которые обозначают издаваемые человеком членораздельные и нечленораздельные звуки:

1. междометного характера, передающие:

а) чувства (радость, грусть, страх, боль, удивление, восхищение и т.д.): *ахаць, айкаць, вухкаць, хмыкаць* и др.;

б) отношение к объекту:

– побуждение (волеизъявление, сигналы для животных): *нукаць, тпрукаць, псікаць, цыкаць, шыкаць*, и др.;

– оценку: *сюсюкаць, улюлюкаць* и др.;

в) детский лепет: *агукаць, квіркаць, піцюкаць* и др.;

2. характеризующие манеру произнесения определённых звуков:

а) диалектные особенности речи: *акаць, дзэкаць, окаць, чокаць* и др.;

б) физиологические особенности речи: *грасіраваць, гугнявіць, шапялявіць* и др.;

3. имплицитно характеризующие процесс звучания и тип издаваемого звука: *балакаць, бухцець, дудукаць, мармытаць, мямліць, тараторыць, шушукаць* и др.

Значение воспроизведения в звучании мотивировано чаще междометиями (74%), реже – существительными (13%) или отдельными звуками (14%): *войкаць, екатаць, акаць, цокаць*. Структурно-словообразовательная особенность ЗГ заключается в лексикализации глагола за счёт присоединения аффиксов к звукоподражательной основе, которая обладает специфической структурой. Так, структура корня ономатопа белорусского языка отличается слабым вокализмом и односложностью (*вох, вух, гік, бух, хм, псік, тпру, цыц* и др.). Многосложность достигается за счёт редупликации как с простым повторением основ (*ду-ду (дудукаць), зю-зю (зюсюкаць), сю-сю (сюсюкаць), улю-лю (улюлюкаць), шу-шу (шушукаць)* и др.), так и с чередованием гласных или рифмованием, когда один из компонентов подвергается фонетико-структурным изменениям и обозначает повторяемость звука с изменением оттенка его качества (*бал-бол (балаболіць), мар-мыр (мармытаць), тар-тор (тараторыць)*). Регулярная и наиболее продуктивная деривационная модель ЗГ речевой деятельности в синхронии – мотивирующая основа + форман-

ты *-а-* / *-ка-* (*ахаць, дзекаць, зюзюкаць, гікаць, псікаць, цыкаць* и т.д.). Высокой частотностью употребления в белорусском языке характеризуются дублетные формы *ахаць – ахкаць, вохаць – вохкаць, вухаць – вухкаць* и др., когда формант *-ка-* выполняет либо диминутивную функцию [12, Т. 2, с. 206], т.е. придаёт глаголу семантику уменьшения, либо же предположительно такой фонетический комплекс передаёт многократное повторение междометных слов и имеет экспрессивное значение повышенной степени интенсивности звука. Такие глаголы относятся к коннотированной лексике и чаще употребляются в стилистически ограниченных контекстах – в разговорном стиле или в художественной литературе.

Словообразовательная мотивированность ЗГ речевой деятельности отличается также и особыми видами словопроизводства, характерными для обиходно-разговорной речи, выражающими экспрессивность номинативного процесса и ведущими к образованию фонетических и семантических вариантов: итерацией (*ёкаць > екатаць*) [12, Т. 3, с. 184] и контаминацией (*квіркаць* 'про первые звуки ребёнка при рождении' = *квікаць* 'кричать (про утёнка)' + *буркаць* 'производить глухие звуки, выражая недовольство или угрозу (про животных)' [12, Т. 5, с. 13], *кромкаць 2* 'выпрашивать' = *кромкаць 1* 'каркать (про крик ворона)' + *канькаць* 'выпрашивать' (магчыма) [12, Т. 5, с. 117], *крумкаць* 'капризничать (про детей)' = *крумкаць 1* 'про жаб, про ворона' + *канькаць* 'выпрашивать' (магчыма) [12, Т. 5, с. 123].

Многие из белорусских звукоподражательных глаголов представляют собой семантические континуанты праславянских этимонов, сохранивших в современных лексемах свои звукоподражательные значения и фонетическую оформленность, напр.: - **gognati, *gogniti* 'говорить в нос' > бел. *гугняць, гугнявіць* [12, Т. 3, с. 111], *гугнаць* [13, Вып. 7, с. 81 – 82], **gogynati > бел. гугнаць, *gogyniti > бел. гугніць* [14, Т. 8, с. 164, 165]; - **(j)ekъ, *ječati* 'вздыхать, стенать, охать' > бел. *екатаць* [12, Т. 3, с. 184], **ekati, *ekotati / *ekъtati > бел. якатаць* [13, Вып. 6, с. 70], *екатаць, якатаць* [14, Т. 6, с. 97-98]; **ži-, *žuzg-* 'визг, писк' > бел. *жузнець* [12, Т. 3, с. 244]; - **šъrъtъ, *šъrъtati* 'шёпот, шептать' > бел. *шантаць* [15, Т. 4, с. 428 – 429]; - **buxati, *buxъteti* 'кричать' > бел. *бухаць, бухцець, бухторыць* [12, Т. 1, с. 426, 427], **buxati* 'ударять, бить' > бел. *бухаць* [13, Вып. 3, с. 80], **buchati > бел. бухаць* [14, Т. 1, с. 436 – 437]; **bъrkati* 'ворчать' > бел. *буркаць, буркатаць* [14, Т. 1, с. 451], [13, Вып. 3, с. 126], **bъrcati > бел. бурчаць* [14, Т. 1, с. 452], [13, Вып. 3, с. 125] и др.

При рассмотрении истоков и исторического развития семантики ЗГ обращает на себя внимание тот факт, что этимологические словари не всегда указывают лишь на праславянскую природу происхождения современных белорусских ономапов, но и обнаруживают в ряде случаев генетическую связь со звукоподражательными корнями других языков, происходящих из индоевропейских основ. Значение 'речь', возникающее на определенном этапе развития лексемы, представляется следствием переосмысления примарных изображений звуков живой либо неживой природы, ср.:

- *мармытаць* – др.-инд. *murturas* 'потрескивающий огонь', *marmaras* 'шуршащий'; лат. *murmurāre* 'бормотать, шелестеть', ст.-греч. *μормύρω*, арм. *m'mram, m'mrim* 'бормочу, бурчу, реву', ст.-в.-нем. *murmuloŋ* 'бормотать' [12, Т. 7, с. 233];

- *лепятаць* – прасл. **lopotъ* от **lopotati*, укр. *лепетати*, рус. *лепетать*, болг. *лепѣтя*, словен. *lapotati* 'тараторить, трещать', др.-инд. *lāpati* 'болтает, шепчет, стонет, говорит', памир. *lōwat, lewat* 'говорю', другая ступень вокализма – цслав. *лопотивъ* 'косноязычный', [12, Т. 6, с. 287];

- *зыкаць* – др.-русск. *зыкъ* "звук", укр. *зык, зикати*, блр. *зык* "жужжание, крик, ругань", *зыкаць* "жужжать, плакать, рыдать, шуметь". По мнению С.Ю. Преображенского, это позднее образование, но ср. сербск.-цслав. *зукъ*, в.-луж., н.-луж. *zuk* 'тон, звук', в.-луж. *zuknuć* 'звучать', н.-луж. *zuknuś*, др.-инд. *hūtis*, авест. *zūti-* 'зов, крик' [15, Т. 2, с. 109];

- *балаболіць* – болг. *балаболя* 'бормочу', чеш. *blaboliti*, др.-инд. *balbalākarōti* 'заикается', лат. *balbutio* 'заикаюсь', слов. *blbla, blbla* 'подражание голосу немого', греч. *βάρβαρος* первоначально 'говорящий невнятно', нем. *babbeln* 'лепетать' [15, Т. 1, с. 111] и др.

Производящей базой для праславянских ономапов чаще всего является междометие звукоподражательного характера (**bux! > *buxteti > бухцець; *ba! > *bakati > балакаць; *lu-lu! > l'ul'ati > люляць; *lor! > *lorati > *lorotati > лапатаць* и др.) [12]. Регулярной и наиболее продуктивной деривационной моделью отмечается образование глаголов с формантом **к-* (*-к-*), с суффиксами *-ota-, -ъta-* (**bakati - *balakati > балакаць; *ječati - *ječatati > екатаць; *lapati - *lapotati - *lapъtati > лепятаць; *šъrъtъ > *šъrъtati > шантаць* и др.), *-on-* (**balaboniti > балабониць*), а также редупликация (**bol-bol-* (*балаболіць*); **tor-tor-* (*тараторыць*); **gn-gn-* (*гугнявіць*)) [12].

Среди ЗГ речевой деятельности белорусского языка находим также балтизмы. Заимствованные лексемы свидетельствуют об устойчивости звуковой формы и семантики ЗГ в процессе их семантического освоения в языке-реципиенте: *бразгаць* – от лит. *brazgėti* 'трещать, брякать' [16, с. 99]; *дундзіць* – от лит. *dundėti* 'говорить' [12, Т. 3, с. 164], лит. *dundėti* 'громко говорить, бубнить', лит. *dundūlis* 'пустозвон, болтун, быстро говорящий' [16, с. 76, 107]; *лялясаць* 'кричать', *ляляшыць* 'болботать, переговариваться, галдеть' – от лит. *lalėti* 'шуметь, галдеть' [12, Т. 6, с. 122]; *мармукаць* 'бормотать' – от лит. *marmūklis* 'бормотун' [12, Т. 7, с. 232], лит. *murmūlis* 'кто неясно разговаривает, бормочет', лит. *murmėkti, marmėti*

‘бормотать, неясно говорить’ [16, с. 120]; *микаць* ‘неразборчиво говорить, запинается’ – от лит. *tūkti* ‘неясно произносить слова, запинаться’, *mikėti, miksėti* ‘заикается’ [12, Т. 7, с. 36], пукчэць – от лит. *pukšėti* ‘стонать, ворчать’ [12, Т. 8, с. 211], лит. *pukšėti, pukščioti* ‘стонать, ворчать, ныть’ [16, с. 126]; *трашэць* – от лит. *traškėti* ‘заикается’ [16, с. 133] и др.

Одним из важнейших аспектов исследования структурно-семантических особенностей ЗГ является исследование сдвига семантики, происходящего на базе метонимического или метафорического отождествления или сближения одной фонации с другой, что происходит в результате перенесения сигнификативных признаков на новые денотаты. Семантическая трансформация осуществляется за счёт нейтрализации компонента звучания или превращения его в сопутствующую ему сему при одновременной актуализации других компонентов (физического действия, движения, говорения, перемещения, падения, бросания, удара и т.п.), и лексико-семантические варианты лексемы уходят на периферию группы, в зоны пересечения данной ЛСГ с другими лексико-семантическими объединениями [17, с. 30]. Семантические переходы в пределах смысловых структур ЗГ речевой деятельности происходят по таким основным деривационным моделям, как от лексико-семантического варианта (ЛСВ) со значением говорения к ЛСВ со значением:

1) фонаций птиц (*За бярэзнікам, каля сасновага бору, балбатаў цецярук*. А. Ляўданскі [18]. *Нечакана над самай галавой вухне пугач, недзе непадалёк ад дарогі трэсне пад нагамі невядомага зверга галінка...* Віктар Праўдзін. Эксгумацыя [19];

2) фонаций животных (*Бобік рваўся з ланцуга, екатаў, хрыпеў*. А. Рьлько. Стуканок у аблавушцы [18]);

3) природных фонаций (*За Дзвіною глуха вухнуў гром*. А. Савіцкі [18]. *На дварэ патыхала ўжо блізкай вясной, і вільготны ветрык, мякка выпырхнуўшы з цемры, шаптаў на вуха даўнія наўна-салодкія казкі...* Міхась Зарэцкі. Вязьмо [19];

4) действия, сопровождаемого звучанием (*Ліха рэзаў гармонік, екатаў бубен*. М. Стральцоў [18]. *А навокал вухалі бомбы, грукаталі гарматы*. Уладзімір Федасеенка. Пасля смерчу. *Недзе далёка ў полі зыкнула гармонь і сціхла*. Платон Галавач. Кнак [19];

5) движения, сопровождаемого звучанием (*Шэпча жыта, нібы стогне здушанай тугою*. Я. Колас [18]. *Як толькі ён (Вецер) вывіхроўваўся ў свет, пачынаў балбатаць Ручаёк, цякучы каля саменькага карэння дрэва*. Якуб Колас. Адзінокае дрэва [19];

б) особенностей поведения человека (*Балбатаць, вядома, лягчэй, чым рабіць*. М. Паслядовіч [18] – ‘займацца пустымі размовамі’. *Да таго ж яны прывучаюцца не працаваць, цягаючыся па дамах; і ня толькі не працаваць, але і балбатаць, і рабіць непатрэбныя рэчы, гаворачы, чаго ня сьлед*. Новы Запавет і Прыповесці. – ‘распускаць чуткі’ [19].

Следует отметить, что в результате перемещения и видоизменения семантических признаков и импликации нового субъекта (человека) звукоподражательные глаголы других ЛСГ также могут реализовывать ЛСВ речевой деятельности. Переносное значение отражает субъективное отношение говорящего к обозначаемому явлению и представляет собой стилистический вид вторичной номинации на основе ассоциативных представлений. Так, акустические проявления животных часто служат характеристикой психических свойств, которыми народное восприятие наделяет тех или иных животных. Голоса одних животных получают положительную интерпретацию, а голоса других – отрицательную [20]. Например, шипение некоторых птиц и животных ассоциируется, как правило, с чем-то зловещим и угрожающим, поэтому переносное значение глагола *шыпець* – ‘говорить сдавленным, сильным голосом, в котором чувствуются злость, раздражение и т.п.’ [18, Т. 5, с. 430] – *І нехта не гаварыў, а шыпеў адзаду, глытаючы словы, тырскаячы слінай...* Міхась Лынькоў. На чырвоных лядах [19].

Такие переносные наименования ЗГ выступают в качестве тропических средств в процессе разного отражения явлений действительности, а также в обиходно-разговорной речи, образуя бинарную оппозицию стилистической маркированности и качественно-ценностной характеристики «мелиорация – пейорация», что находит особенно яркое выражение в явлениях антропо- и зооморфизации: *буркаваць* – шутил. ‘нежно и ласково говорить’ [18, Т. 1, с. 422]; *мурлыкаць* – разг. ‘тихо, мягким голосом говорить, напевать’ [18, Т. 3, с. 182]; *шчабятаяць* – ‘быстро, без остановки говорить (обычно про детей, женщин)’ [18, Т. 5, с. 415]; *скуголіць* – разг. ‘сетовать, жаловаться, просить что-нибудь’ [18, Т. 5, с. 189]; *квактаць* – ‘бурчать, приговаривать’ [18, Т. 2, с. 675]; *рыкаць* – разг. ‘грубо, раздражительно и отрывисто кричать на кого-н.’ [18, Т. 4, с. 736] и многие другие. Также и ЗГ, передающие звучание неживой природы, предметов, механизмов, реализуют ЛСВ говорения: *бабахаяць* – ‘решительно, неожиданно сказать что-н.’ [18, Т. 1, с. 318]; *грымець* – разг. ‘говорить громким голосом, с гневом или запалом’ [18, Т. 2, с. 87]; *дудзець* – разг. ‘монотонно, негромко говорить, читать, петь’ [18, Т. 2, с. 207]; *журчэць* – ‘монотонно, тихо звучать’ (про голос, речь) [18, Т. 2, с. 261]; *ракатаць* – ‘говорить, петь низким раскатистым голосом’ [18, Т. 4, с. 632]; *скрыпець* – разг. ‘говорить резким, скрипучим голосом’ [18, Т. 5, с. 186]; *трашчаць* – ‘быстро, долго, не смолкая говорить, говорить без надобности’ [18, Т. 5, с. 518]; *трубіць* – разг. ‘писать, вести разговор о ком-н., чём-н., распространять слухи; назойливо напоминать, говорить о чём-н.’ [18, Т. 5, с. 524].

Заклучение. Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы. ЗГ речевой деятельности белорусского языка отличаются рядом характерных структурно-семантических особенностей на всех уровнях языковой системы:

- 1) детерминацией отражения чувственного элемента познания в их фонетической структуре;
- 2) устойчивостью первоначальной звуковой формы лексемы в её историческом развитии;
- 3) семантическим эволюционированием на базе метонимических и метафорических переносов;
- 4) наличием коннотативного аспекта, образно-экспрессивной характеристики и стилистической маркированности;
- 5) наличием дублетных форм и фонетических вариантов лексем в диалектной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
2. Левицкий, В.В. Звуковой символизм. Основные итоги / В.В. Левицкий. – Черновцы, 1998. – 130 с.
3. Левицкий, В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского языка. Опыт количественного анализа этимологического словаря / В.В. Левицкий. – Черновцы: Рута, 2008. – 231 с.
4. Журавлёв, А.П. Фонетическое значение / А.П. Журавлёв. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. – 160 с.
5. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. – 248 с.
6. Михалёв, А.Б. Теория фоносемантического поля / А.Б. Михалёв. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с.
7. Андрэева, А.У. Імітацыйныя дзеясловы ў беларускай і рускай мовах (да праблемы супастаўляльнага даследавання словаўтаральных тыпаў блізкароднасных моў) / А.У. Андрэева // Мова – Літаратура – Культура: матэрыялы VI Міжнароднай навук. канф., 28–29 кастрычніка 2010 г.: у 2 ч. / Беларускі дзярж. ун-т; у аўтарскай рэдакцыі. – Мінск, 2011. – Ч. 1. – С. 173–177.
8. Торра, В.А. Эўфанічныя сродкі моўнай выразнасці ў паэзіі Рыгора Барадуліна: аўтарэф. дыс. ... канд. філ. навук: 10.02.01 / В.А. Торра; Гомельскі дзярж. ун-т імя Францыска Скарыны. – Гомель, 2006. – 20 с.
9. Рааго, П.А. Супастаўляльны аналіз беларускіх і славацкіх дзеясловаў з прадметнай семай 'жывёла' (лексіка-семантычны і сінтагматычны аспекты) / П.А. Рааго // Мова – Літаратура – Культура: матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі 28–29 кастрычніка 2010 г.: у 2 ч. / Беларускі дзярж. ун-т; у аўтарскай рэдакцыі. – Мінск, 2011. – Ч. 1. – С. 252–257.
10. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.
11. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола / Л.В. Васильев. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
12. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: у 13 т. / рэдкал.: Г.А. Цыхун (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Бел. навука, 1978–2010. – 13 т. [Выданне працягваецца]
13. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 39 вып. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 1974–2014. – 39 вып.
14. Słownik prasłowiański: 8 t. / red. F. Sławski. – Wrocław: Wydawnictwo PAN, 1974–2001. – 8 t.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986–1987. – 4 т.
16. Лаучюте, Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках / Ю.А. Лаучюте. – Л.: Наука, 1982. – 210 с.
17. Сергеева, Т.Д. Вопросы семантической типологии глагольной лексики: учеб. пособие / Т.Д. Сергеева. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1984. – 82 с.
18. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / рэдкал.: К.К. Атраховіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – 5 т.
19. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://bnkorpus.info>. – Дата доступу: 20.05.2018.
20. Гура, А.В. Звуки и голоса животных / А.В. Гура // Голос и ритуал: материалы конф., май 1995 г. / Государственный институт искусствознания; редкол.: Е.А. Дорохова [и др.]. – М., 1995. – С. 15–19.

Поступила 21.05.2018

STRUCTURAL-SEMANTIC PARTICULARITIES OF ONOMATOPOEIC VERBS OF SPEECH ACTIVITY IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

M. KHADASOK-ULITSKAYA

This article considers Belarusian onomatopoeic verbs in the diachronic and synchronic perspectives with the purpose to analyze their structural-semantic particularities. Onomatopoeic verbs of speech activity served as the material, selected with the help of the continuous access method from relevant dictionaries. In the course of the investigation, such methods were used as etymological analysis defining inner word form, which underlines the nomination, and definition analysis. The article provides regular and special types of word formation and considers Pra-Slavic roots as the genetic base of the majority of Belarusian onomatopoeic verbs. Moreover, the main derivational models are revealed by means of which various semantic transitions took place in the investigated lexico-semantic group and are characterized by expressiveness and stylistic particularities.

Keywords: diachrony, synchrony, semantics, derivation, onomatopoeia (sound symbolism), onomatopoeic unit.